

В. И. Косик

Русская культура в Хорватии, 1920–1930-е гг.

В тексте представлен ряд сюжетов, связанных с творчеством русских мастеров искусств в межвоенный период, точнее, оказавшихся в Хорватии после революций 1917 г. и гражданской войны. Освещено творчество ряда русских художников, имена которых получили известность в Хорватии и за ее пределами. Обрисованы в лицах выступления и деятельность мастеров драмы, оперы, балета, других сфер, где они были задействованы.

Ключевые слова: русская культура, Хорватия, Загреб, художник, комикс, балерина, сцена, театр, опера, хор, музыка, русские эмигранты

Viktor I. Kosik

Russian culture in Croatia, 1920–1930

The text presents a number of stories related to the works of Russian masters of arts in the interwar period, more precisely, trapped in Croatia after the revolutions of 1917 and the civil war. An illuminated work of a number of Russian artists, whose names became famous in Croatia and abroad. Outlined in the faces of the speeches and activities of the masters of drama, Opera, ballet, and other areas in which they were involved.

Keywords: Russian culture, Zagreb, Croatia, artist, comic, dancer, stage, theatre, Opera, choir, music, Russian immigrants

Недавно, мы, русские беженцы, гонимые врагами цивилизации, прибыли в Хорватию и здесь были встречены интеллигенцией Златарского округа с редкой добросердечностью, окружены братским вниманием и славянским радушием. Память о вас не изгладится в сердцах наших. От всей души приносим Вам глаголю благодарность и русское спасибо. 21 / X 1921 г.¹

Как ни парадоксально, но в некоторых случаях войны и революции способствуют «культурному обмену», точнее, обогащению культуры. Так, развал Российской империи с последующим «бегом» из нее многих мастеров той же сцены привел к обогащению культурной жизни приютивших их стран. Одной из них стала Хорватия, перешедшая после гибели Австро-Венгрии в 1918 г. в новообразованное Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Безусловно, в отличие от некоторых других земель Королевства, Хорватия уже в силу того, что возрастала и жила в «мире Рима», обладала сравнительно мощной культурой с богатыми традициями. Тем не менее, «русский мир» внес, повторю, свой и значительный вклад в хорватскую культуру.

Все охватить невозможно, поэтому здесь я набросаю лишь эскиз того, что связано с живописью, театром.

Начну с первого.

Творчество многих русских художников связано не только с Загребом, но и другими хорватскими городами, прежде всего, городом-музеем Дубровником.

Назову лишь нескольких.

Ганзен Алексей Васильевич (02. 02. 1876, Одесса – 19. 10. 1937, Дубровник). Внук Ивана Айвазовского, он учился живописи в «сухопутных» Мюнхене, Берлине, Дрездене. В Париже работал под руководством Роберта Флери и Жюль Лефевра. В период 1901–1912 гг. выставлялся в салоне des Artistes Francais. Его полотна есть в Елисейском дворце, в музеях Бреста, Тулона, Марселя, Чикаго, Нью-Йорка. В России полотно Ганзена украшали Зимний дворец, морское министерство, морскую военную академию. Сам художник служил в морском министерстве и в морской военной академии. Даже в эмиграции он жил с морем, в Дубровнике. Написал Алексей Васильевич несколько тысяч полотен, в том числе серию картин на темы морских сражений в русско-японской и первой мировой войнах, а также по истории югославского флота. Творения Ганзена можно было видеть в этом городе, в частности в отеле «Империал»². Сейчас не знаю, висят ли.

Художник Сергей Латышев-Байкалов писал в своих воспоминаниях, что «у Ганзена на его выставках в Белграде» он «запомнил, как звучала несколько приглушенная его благородная цветовая гамма без ярких эффектов»³.

1 ноября 1924 г. жители Белграда могли посетить его выставку в здании Академии Наук. Однако они не были первыми. Король с королевой посетили выставку до открытия и купили 7 картин: «В полдень», «Адриатический берег при ярком солнце», «Шквал», «Туман над Ловченом», «Скалистый берег у Гружа», «Бока Которска» и «Перасто»⁴. К сказанному добавлю, что в новой стране он нашел блестящий прием, отличную прессу. Картины Ганзена продавались без особых трудностей. В 1924 г. на выставке в Загребе было выручена грандиозная сумма около 100 тыс. динаров за полотна. Его морские пейзажи и виды далматинского побережья приобретали королевские дворы Европы. Об успехе Ганзена свидетельствовали и его многочисленные выставки. Например, в Загребе Ганзен выставлялся около десяти раз⁵.

Портрет самого художника можно представить из слов автора многих публикаций о Ганзене журналиста Н. Брешко-Брешковского: «Как сейчас вижу, Ганзен с сигарой в зубах, в сюртуке и вс бархатном жилете уверенно действует кистью, как фехтовальной рапирой, а кругом группа гостей с трепетным любопытством следит за „кухней творчества“»⁶.

Добавлю, что на Большой выставке русских художников в Белграде в 1930 г. две картины Ганзена «Адриатическое море» и «После захода солнца» были проданы по 20 тыс. долларов каждая⁷.

Последняя выставка прошла в 1936 г. в столице Королевства и была посвящена флоту Далмации – от первых парусных судов до крейсера, носившее гордое имя «Дубровник»⁸.

И несколько слов искусствоведа Иво Шишкевича о творчестве художника: «Красотою своих дивных картин он прославил Адриатику среди народов»⁹. Сейчас картины Ганзена можно встретить в разных городах мира – от Риеки и Загреба до Феодосии и Москвы. В декабре 2014 г. я видел в одном из московских магазинов его небольшую картину «Из Америки в Европу». Но на меня особого впечатления не произвела, как-то все блекло.

Виды Дубровника это не только Ганзен. Красоты этого города, его окрестностей, волнующихся далматинских берегов вдохновляли Всеволода Волчанецкого, с 1920 г. проживавшего в этом красивейшем средиземноморском полисе и устраивавшего здесь свои выставки картин. На большой выставке русских художников в 1930 г. в Белграде Волчанецкий представил полотна: «Кафедральный собор в Дубровнике» и «Улица в Дубровнике»¹⁰. На острове Раб и в Дубровнике жил Василий Красовский, три картины которого были также на упомянутой выставке¹¹.

Назову еще имя жителя античного Сплита Иполита Даниловича Майковского (1885, Полтавская губерния – 1963, близ Льежа, Франция), выставлявшего в 1935 г. в Загребе виды Гружа, Дубровника, Комиже¹².

В Хорватии он обосновался с начала 1920-х гг., преподавая рисование в Далмации, в городах Сплит, Синь. Писал портреты, натюрморты, но публике больше всего нравились его морские виды. И это понятно – тех, кто жил у моря и кормился им, не могла не волновать их родная чарующе-волшебная Адриатика. В 1944 г., как и многие, вследствие наступавших перемен во власти, он покинул Хорватию, где прошли двадцать выставок его картин, и на восьми он выставлялся как один из участников.

Продолжая тему русского таланта, необходимо подчеркнуть, что если есть «высокое» искусство, рассчитанное на элиту, то обязательно должно быть и «приземленное» – для масс. Само искусство при этом остается таковым, не меняясь в своей сути. И здесь русская талантливая молодежь также внесла свой вклад, выступив зачинателями стрипа (комикса) в столичной прессе. Любители этого нового жанра могли регулярно наслаждаться не только авантюрными историями в технике графики, но и смеяться над точно схваченными чертами городской жизни при передаче житейских ситуаций.

И здесь, благодаря авторам «Истории югославского стрипа» С. Драгиничичу и З. Зупану, можно вкратце очертить несколько творческих биографий русских стрип-мастеров. Итак, Сергей Миронович Головченко (28. 11. 1898, Одесса – 09. 11. 1937, Загреб). Сергей воевал в Первой мировой (гусарский Павлоградский полк) и в гражданской войнах, трижды был ранен. В 25 лет, уже в «чужом» Загребе он начал учиться живописи у профессоров Кризмана, Ванке, Бечича. Бросил учебу но то ли вследствие неких обстоятельств, то ли отставания в предметах. Ему оставалась карикатура, которой Головченко начал заниматься годом раньше, т. е. с 1922 г., и продолжать размещать их в журнале «Kopriva» («Крапива») под «нерусским» псевдонимом S. Mironović, с текстами И. Пасарича. Занимался он и тем, что писал и иллюстрировал новеллы в таких журналах, как «Novosti» («Новости»), «Riječ» («Слово»), «Peckalo» («Зубоскал»), «Kulis» («Кулиса»), «Око» («Око»), «Vreme» («Время»), «Ošišani jež» («Подстриженный еж») ¹³. При этом в своих лучших рассказах Головченко нимало не юмористичен, а иллюстрации к ним нельзя отнести к карикатуре или шаржу. Например, в новелле: «На смерть Мишки Топтыгина» (Kulis. 1932. № 25) повествуется об охоте на медведя в хорошо знакомой автору Сибири и напоми-

нает произведения Фенимора Купера или Льва Толстого в смысле психологической обрисовки главного героя – старого охотника, человека из народа¹⁴. Головченко охотно публиковала не только хорватская пресса, но и «Figaro», и «The Patriot», и «Humor»¹⁵. В Загребе его дружелюбно прозвали «сибиряком», так как Сибирь была родиной его отца, там он учился, эмоционально был связан ее просторами¹⁶. Сергей имел много друзей, которые стали авторами искренних, не сухо-стандартных некрологов на раннюю кончину «сибиряка», ставшего из «чужого» «своим» в художественных кругах Загреба¹⁷.

Именно Головченко стал автором стрипа «Макс и Максич». Первая серия этого стрипа называлась «Макс и Максич – рыболовы» появилась 4 апреля 1925 г. в № 14 в родном журнале. Каждая серия, в которой изображались забавные проделки пары мальчишек-озорников, состояла из шести картинок, под которыми обычно помещались стихотворные строки. «Макс и Максич» быстро завоевали популярность и уже в 1926 г. была издана первая книга с их проделками. Свою блистательную карьеру герои Головченко закончили 2 марта 1934 г., когда в «Крапиве» появилась последняя серия под названием «Макс и Максич и Сима-вампир»¹⁸.

«Баловался» стрипами художник и поэт Анатолий Дмитриевич Сергеев (Санкт-Петербург, 20. 03. 1888 – Загреб, 22. 06. 1971). В иллюстрированном еженедельнике «Obitelj» («Семья») печатались в 1936 г. его «сказки в картинках»: о рыбаке и рыбке, о царевне и о семи богатырях, о золотом петушке, Коньке-Горбунке¹⁹.

Можно задаться вопросом: помнят ли сейчас русских художников в Хорватии? Могут сказать лишь одно: картины их «живут» в музеях, частных коллекциях. О русских сценографах пишут исследования. В этом году появился труд Ирины Антанасиевич о мастерах стрипа или комикса. Да и энциклопедии «не забывают» русских и их творчество на хорватской земле.

Теперь о странном мире театра.

Русские мастера сцены творили и в Загребе, и в театриках провинциальных городков, на концертных площадках, на подмостках любительских студий.

Итак, вначале «случай» Георгия (Юрия) Эрастовича Озаровского (1854, Санкт-Петербург – 17. 04. 1922, Париж). По настойчивой просьбе главы загребской администрации, влиятельных представителей хорватской общественности и, самое главное, благодаря желанию самой труппы, он был в 1919–1920 гг. педагогом, актером (известны его роли Хлестакова и «недоросля» Митрофанушки), и художественным руководителем Хорватского народного театра в Загребе.

Там Озаровский поставил такие спектакли, как «Ревизор», «Женитьбу», «Недоросль» с минимумом декораций. Однако авторитет оплачивался плохо: получал гораздо меньше обещанного. Судя по письму директору театра, условия, в которых работал Георгий Эрастович, были настолько отвратительны, что он грозил отставкой, если положение не изменится. Судя по его отъезду в Париж, где он открыл актерскую школу, соглашения не получилось²⁰. Здесь еще много неясного с хорватским периодом Озаровского, что предстоит выяснить другим исследователям.

Само возникновение самодеятельного русского театра в Загребе было делом времени. В 1928 г. в Обществе русских юристов возникла тривиальная и, я даже бы сказал, несколько запоздалая мысль о создании у себя, по примеру других русских обществ, рассеянных по просторам Королевства, драматической секции. Возможно, ее организация была связана и с желанием доказать своим соотечественникам, жившим в столичном Белграде, что Загреб не хуже.

А пока Загреб был лишь очередной оставновкой русских артистов в их гастрольных поездках. Не миновал столицу Хорватии и МХТ. Его приезд в 1922 г. во главе со К. С. Станиславским стал настоящим праздником для театралов, уже наслышанных о несравненном искусстве этой русской труппы. Константин Сергеевич представил зрителям пять спектаклей, в том числе «Царь Федор Иоаннович». «Публика, – вспоминал К. М. Григоров, участвовавший в этих спектаклях как статист, – принимала артистов очень тепло, и таких бурных оваций мне еще не приходилось видеть. Сцена была буквально сплошь покрыта густым ковром из букетов»²¹.

Потом последовали приезды и других мастеров сцены. И должно было пройти почти десять лет, прежде чем дело с организацией своего театра сдвинулось с места. Нужен был лидер, и он нашелся.

Художественным руководителем небольшой любительской труппы стал необыкновенно разносторонний человек Николай Иванович Федоров (21. 01. 1892, Одесса – 22. 03. 1980, Буэнос-Айрес), юрист, журналист, публицист, переводчик, театровед. С 1921 г. Николай Иванович обосновался в Загребе, работал чиновником, потом занялся писательским ремеслом, вернулся к журналистике. Писал он, как и раньше, о театральном и литературном мирах русских беженцев и приютившей его страны: («Jugoslovenska njiva» («Югославянская нива»), «Kritika» («Критика»), «Nova Evropa» («Новая Европа»), «Hrvatska revija» («Хорватское ревью»), «Omladina» («Молодежь»), «Hrvatska smotra» («Хорватское обозрение»), «Hrvatska pozornica» («Хорватская

сцена»), «Spremnost» («Готовность») и др. В соавторстве с Т. Строцци Федоров переработал для сцены «Идиота» и «Господ Головлевых», перевел на хорватский язык несколько таких пьес, как «Чужой ребенок» В. В. Шкваркина, «Сентиментальный день» И. Д. Сургучева. Изданы его переводы на хорватский язык: «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Золотая арка» Н. А. Тэффи, «Бедная любовь Мусоргского» И. С. Лукаша, «Жизнь Тургенева» Б. К. Зайцева, «Это и есть большевизм» И. Иванова. Напечатал он и две интересные брошюры: «Советизация эмигрантского языка» и «У церковной ограды». В 1932 г. в русском журнале «Мир и искусство», печатаемом в Париже, Николай Иванович дал обзор современной хорватской драматургии, подчеркнув ее европейскую направленность. Замечательная хорватская исследовательница русского происхождения Татьяна Пушкадия-Рыбкина в своей книге о русских в Хорватии отметила и то, что Федоров вместе с Й. Бадаличем составили и издали в 1939 г. в Загребе антологию «*Ruska lirika od Puškina do naših dana*» («Русская лирика от Пушкина до наших дней»). С 1941 до 1943 г. входил в редколлегию газеты «Хорватский народ». В 1944 г. он перебрался в Германию, откуда в 1945 г. уехал из опасной для многих Европы в мирную и безопасную Южную Америку. В 1948 г. Федоров обосновался в Буэнос-Айресе²².

Спектакли студии не раз имели отличную прессу. Позволю себе привести три отзыва. Первый связан с чеховскими пьесами, которые были хорошо известны хорватскому зрителю еще с конца XIX в. Корреспондент загребской «Семьи» писал: «...и мы, которым русский язык труден для понимания, действительно могли наслаждаться... хорошо срежиссированной актерской игрой»²³.

Хорватская «Утренняя газета» в связи с постановкой в 1935 г. «Дяди Вани» писала: «Если принять во внимание, что члены этой студии: режиссер, все актеры, статисты и технический персонал русские эмигранты, эти любители театра, не получающие за свой труд ничего, которые целый день заняты тяжелой работой, чтобы прокормить семью... тогда нужно изумляться их жертвенной любви к театру, позволяющей ставить такие отлично сыгранные спектакли»²⁴.

В 1936 г. известное загребское издание «Обзор» подчеркивало на своих страницах: «Эти спектакли посещают примерно 100–250 человек. На последнем представлении... было свыше 200 зрителей, среди которых было около 30 молодых хорватов, в своем большинстве студентов, которые так полюбили русскую драму, что регулярно посещают русский театр, даже если и не знают хорошо русский»²⁵.

Не могу не упомянуть, что многие русские пьесы шли в исполнении хорватских актеров на национальной сцене в Загребе. И здесь большая заслуга принадлежит Иосифу Бадаличу, знатоку и поклоннику русской литературы, возглавлявшего одно время драму Народного театра в хорватской столице. Зрители видели и «Миллион терзаний» В. П. Катаева и «Обрыв» И. А. Гончарова. Это были премьеры. Из возобновленных пьес назову «Власть тьмы» и «Братья Карамазовы» в инсценировке известного драматурга, режиссера и актера Т. Строцци²⁶.

И в завершении театральной темы позволю предложить «избранные места» из замечательных мемуаров Ольги Янчевецкой, которую знали и любили в Югославии – королевской ли, титовской ли.

Итак: 1921 г. Эмиграция.

Через Сплит прибыли в Трогир, где на берегу с музыкой нас встретила множество горожан, приветствовавших нас «Да здравствует матушка-Русь!», «Добро пожаловать!». Эту сердечную встречу в этом небольшом городе-музее организовал католический священник Винко Браевич, которого я не забуду, пока живу... Чтобы заработать хотя бы немного денег наши эмигранты в Сплите тем летом 1921 г. на своем собрании решили организовать театр Шишмиш (Летучая мышь. – В. К.)...

С небольшой труппой Шишмиш побывали на многих островах, из которых мне в памяти остались: Вис, Хвар, Корчула, Комижа... Публика нас хорошо приняла, особенно на Хваре, где выступали в старинном театре, вероятно, одним из первых в Европе. Там было все запущено и покрыто пылью, а акустика ужасна... Помню, что балерины были одеты в костюмы из бумагеи, так как не было денег на шелк. Все это не было важным, главное, что наше представление понравилось жителям и гостям...

Шишмиш – миниатюрный театр, находился в Сплите... близ Бельвю. Там мы показывали комические одноактные пьесы и небольшие оперетки, в которых блистали Радомский и Павлова...

В 1924 г. уехали в Загреб... Стала петь в небольшом ресторане «Москва» на Илище, который держал наш земляк Марк Иванович Гарапич. Он и раньше, взяв богатую жену из Замосворечья, держал известный ресторан «Яр» со знаменитым цыганским хором и оркестром. Так и здесь, в Загребе, ресторан Марка «Москва» был полон русских эмигрантов – офицеров, которые топили тоску по родине борщом, пирожками, водкой и балалайкой...

В 1926 г. получила ангажемент в небольшом

Русская культура в Хорватии, 1920–1930-е гг.

театре Би-ба-бо, который находился на месте нынешнего Дома молодежи. Этот театрик Яши Яковлева и его жены Марии Ласки находился в составе тогдашнего ресторана Загреб и имел прекрасный сад и большую сцену. Репертуар был разнообразен: балет, куплеты, одноактные пьесы, оперетки. Это было время танго, и я первый раз пела романсы на сербскохорватском языке, а публика меня засыпала гвоздиками и розами...

В 1927 г. перешли в отель «Славия» и выступали в саду... Нас так полюбила публика, что приходила слушать, даже когда падал дождь...

Выступала в загребском ресторане «Ройял» на Илице, который никогда не забуду... Храню пулю из револьвера, который некий слушатель в этом загребском ресторане нацелил на меня... и как только я завершила пение, раздался выстрел... пулю нашли где-то за сценой...²⁷

Любимицей публики была прибывшая в 1921 г. в Хорватию Елизавета (публика звала ее Ли́ла) Ивановна Мусатова-Кульженко (1875, Санкт-Петербург – Об. 07. 1951, Загреб), характерное меццо-сопрано. В ее репертуаре были народные песни, классические и современные ей романсы. Она пела на многих языках, в том числе и на хорватском. Ли́ла, под таким именем она получила известность в Хорватии, Судя по имеющимся у меня копиям театральных программ, Ли́ла выступала нередко на сборных концертах с исполнением классических партий русского репертуара, не обходя вниманием и русскую песенную сокровищницу. В Загребе и в провинции дала ряд концертов. Много времени отдавала Ли́ла педагогической деятельности. Регулярно участвовала русская певица в музыкальных радиопередачах²⁸.

Пели везде. Была даже пословица: где собираются трое русских, там и хор.

Именно об одном из хоров и его руководителе выпускнике Симферопольской духовной семинарии, капитане Борисе Викторовиче Комаревском (09. 04. 1893, Балки, Таврическая губерния – 24. 06. 1945, Загреб). следующий сюжет.

В 1927 г. Бывший офицер завершил Королевскую музыкальную школу в Загребе. Потом Комаревский работал концертмейстером в Хорватском Народном театре²⁹. С 26 мая 1932 г. он встал во главе действовавшего при Греко-католической церкви Кирилло-Мефодиевского хора. Певческий коллектив стал настолько известен, что 1934 г. был снят звуковой фильм «*Ćirilo-Metodov kor, kulturno značenje umjetničkoga delovanja*» («Кирилло-Мефодиевский хор, его значение в искусстве»): режиссер Анатолий Юрьевич Базаров-Брюховецкий, оператор

Александр Герасимов³⁰. В том же году вышел из печати первый «Сборник старославянских церковных песнопений». В него вошли исполняемые хором сочинения Архангельского, Бортиянского, Чайковского, Чеснокова, Гречанинова, Львова, Мусоргского, Римского-Корсакова, Соловьева, Турчанинова, Вишневого³¹.

Не удержусь, чтобы не отметить: свой первый концерт, состоявшийся 20 сентября 1931 г. в Загребе, Кирилло-Мефодиевский хор посвятил исключительно исполнению произведений Бортиянского³². Под руководством Комаревского хор успешно выступал не только в Королевстве, но и за его пределами. Участвовал и в празднествах, проводимых католической церковью³³. В 1936 г. Комаревский был удостоен золотой медали свв. Кирилла и Мефодия **за заслуги**³⁴. В 1937 г. после блестящих выступлений хора во Франции Борис Комаревский был избран членом-корреспондентом и почетным членом Union des Maîtres de Chapelle et Organistes de France³⁵.

Расстрелян по приговору Военного суда новой власти³⁶.

В 1984 г. началось возрождение хора. В 1992 г. он вернул себе старое название. Сейчас, в XXI в., в его репертуаре, как и прежде, множество произведений русских композиторов. Так, в 2001 г., в программу концерта, посвященного 70-летию хора, были включены творения Бахметьева, Архангельского, Чеснокова, Римского-Корсакова, Вербицкого³⁷.

Обязательными будут и строчки об опере. В Хорватии она была не только желанным гостем на сценах, но и давно вошла в мир театральной культуры страны, тесно связанной с музыкальной Веной.

В то же время парадоксально, но факт, что в хорватской столице в начале XX в. больше уделяли внимания постановкам русских опер, нежели в Белграде, в котором после Первой мировой войны начали ставить прежде всего итальянскую и французскую оперы. В Загребе же в эти годы можно было увидеть и услышать «Бориса Годунова» и «Хованщину» М. П. Мусоргского, «Царскую невесту», «Снегурочку» и «Сказание о граде Китеже» Н. Н. Римского-Корсакова, причем две последние вообще не показывали на белградской сцене³⁸.

В то же время здесь приживались немногие из русских оперных певцов и певиц. В основном сюда любили приезжать на гастроли из Белграда. Но были и мастера оперной сцены, ставшие своими в Загребе. Здесь можно назвать обладательницу чудесного меццо-сопрано Елену Андреевну Морозову (1894, Москва – 12. 06. 1935, Загреб). С осени 1921 по 1927 г. она царовала

свои голосом, «особой окраски» Загреб. Лучшие партии спела в русских операх³⁹.

К этому следует обязательно добавить, что певицей и актрисой стала и ее дочь Елена Нюренберг (в замужестве Бинички) (13. 06. 1920, Феодосия – 1992, Загреб), выступавшая под именем Елены Морозовой. В Загребе Елена окончила музыкальную академию и с 1944 г. стала выступать на сцене Народного театра. Позднее – с 1947 по 1950 г. – певица входила в постоянный состав его труппы. В сезоне 1951/52 г. в амплу драматической актрисы она играла в Риеке. С 1957 г. Елена выступала в составе труппы Загребского театра кукол⁴⁰.

Слышали в Хорватии и голос выпускника Загребской музыкальной академии Анатолия Маношевского (1901, Екатеринодар, совр. Краснодар – 18. 03. 1983, Риека). С 1926 г. он выступал в Загребской опере, потом в Осиеке и Риеке, где в 1953 г. отметил 25-летие своей сценической деятельности. Спел около 90 партий⁴¹.

Опера это не только чудное пение, но и музыка, оркестр. И здесь я опять назову русское имя. Гобоист Александр Смирнов (26. 10. 1886, Санкт-Петербург – 06. 03. 1973, Загреб). Класс гобоя Александр закончил в Северной Пальмире. С 1907 по 1917 г. музыкант играл в оркестре А. Д. Шереметьева. Тридцать лет – с 1923 по 1953 г. – он был солистом оркестра Загребской оперы и первым гобоистом Загребской филармонии. Передавал свое искусство в средней музыкальной школе⁴².

На русскую оперу можно было пойти и в Далмации, в театральном Дубровнике, где сами улицы и площади средневекового города были лучше всяких декораций. «Народ, – писала сплитская газета „Nova doba“ („Новая эпоха“), – давший миру такое искусство, никогда не погибнет и будет величайшим народом в мире»⁴³.

В другой жемчужине Адриатики – античном Сплите первым дирижером новой оперы в 1923 г. стал Илья Слатин. Представленный им «Евгений Онегин» познакомил сплитчан с русской музыкой, с русским искусством, которое славянам, как писали в театральном журнале «Comœdia», «гораздо ближе, полезнее и милее. Это было настоящее откровение. И успех не заставил себя ждать»⁴⁴.

В марте 1926 г. в Загребе гостил Игорь Стравинский. О нем писали в газете «Народное дело», что его мощная музыка пробудила уснувшее славянское чувство. «Футуристическому анархисту», каким некоторые ценители считали Стравинского до его выступления, были устроены овации, превратившиеся в торжество. Разочарованными остались только те, писали в

газете «Ријеч» («Слово»), которые ожидали, что Стравинский будет играть ногами⁴⁵.

«Играют ногами» в балете.

Поэтому – балет.

Развитие этой сферы искусства, где долгое время доминировали итальянки, было связано с плеядой русских мастеров, связавших свою жизнь с балетом. Прежде всего назову имя зеленоглазой и рыжей «с чудными быстрыми ножками» Маргариты Фроман. Она родилась 8 ноября 1890 г. в Москве. В ней текла русская и шведская кровь. После блестящего окончания в 1909 г. Московского императорского театрального училища Маргарита была принята солисткой в балет Большой оперы в Москве, став партнершей своего учителя В. Д. Тихомирова. Одновременно молодая балерина готовила роли с «Герakлом балетной сцены» Михаилом Михайловичем Мордкиным, но совместные выступления не состоялись, ввиду ее перехода в труппу С. П. Дягилева и гастролями по Европе и Америке вместе с Анной Павловой, Екатериной Гельцер, Тамарой Карсавиной, Вацлавом Нижинским, с которым она в 1916 г. танцевала на сцене Метрополитен Опера. Вернулась Маргарита на родину, когда там уже произошла революция. В первопрестольной она выступила в балете «Азиада» Гютэля (хореография Мордкина). Потом вместе с М. М. Мордкиным, с которым у нее был бурный роман, она смогла выбраться из Москвы в Крым, где дала несколько блестящих представлений. Вместе с братом Максимилианом «рыжая» даже открывает свою балетную школу. Через Стамбул Маргарита добралась в Королевство сербов, хорватов и словенцев и обосновалась в Загребе со своей наиболее лучшей труппой. Тогда в ее состав входили Максимилиан Фроман, Ольга Орлова, Юлия Бекефи, Анна Редель, Наталья Миклашевская. Послевоенный город, точнее балет, тогда нуждался в «свежей крови», поэтому неудивительно, что именно блестящая представительница русской балетной школы стала балетмейстером в государственном Народном театре, руководительницей балетной школы и прима-балериной. Ее партнером стал Максимилиан Петрович Фроман, родной брат. Первый раз имя Маргариты Фроман появилось на плакатах, объявлявших о спектаклях загребского театра 16 января и 2, 6, 13, 15, 27 февраля 1921 г. Тогда, к дням гастролей Московского Художественного театра в Загребе Фроман поставила балет «Шехерезада» и «Половецкие пляски», имевших большой

успех балета. В балете «Петрушка», который М. Фроман в числе 28 других балетов, поставила на сцене театра в Загребе, выступала вся семья Фроман: Балерина – Маргарита Фроман, Петрушка – Макс Фроман, Арап – Валентин Фроман. Художником декоратором был Павел Фроман, а соло на рояле в оркестре исполняла талантливая пианистка Ольга Фроман (сестра прима-балерины). После в Загребе шутили, что у них в опере целая «династия» Фроман. Загреб стал для нее родным городом: только в 1927–1930 гг. она жила вне его сцены, выступая в Белградском театре, куда она была официально откомандирована. За это время она поставила десять балетов, в том числе «Петрушку» и «Жар-птицу», три дивертисмента, балетные партии в нескольких операх, станцевала Одетту/Одиллию, Сванильду, Аврору, Раймонду, Царевну. Часто по приглашению балерина выезжала в другие страны. Перестала Маргарита Петровна танцевать на сцене в 1934 г., но продолжала заниматься постановками, хореографией. В 1956 г. она уехала в США, где до своего ухода из жизни продолжала заниматься педагогической деятельностью в своей студии и как профессор в консерватории в Хартфорде (Коннектикут) и в университете Сторс (Коннектикут). «Прима-балерина, хореограф, балетный педагог, шеф балета, оперный режиссер и артистка, которая установила твердое основание для Югославского балета, вдохновительница композиторов, впервые создавших национальные югославские балеты» – слова, которыми пестрят воспоминания о рыжей Маргарите Фроман. 24 марта 1970 г. на 74-м году жизни она скончалась в Бостоне⁴⁶.

И напоследок: благодаря Фроманам «качество балетного репертуара Хорватского Народного театра в 20–30 гг. XX столетия не отставало от всемирно известных европейских театров»⁴⁷. Эта оценка исследовательницы из Хорватии Марины Багарич отнюдь не завышена: то, что сделала эта семья для хорватского балета, не имеет прецедента.

На сцене загребского театра выступали Федор Васильев, Ольга Орлова, Анна Ройе. Талантливой ученицей Маргариты Фроман была Ольга Кононович (12. 04. 1908, Санкт-Петербург – 20. 06. 1998, Антиб, Франция). Из Загреба она потом отправилась в Европу. Брала уроки и Ольги Преображенской. Выступала под псевдонимом Ольга Старк. Танцевала позже в «Русской опере» Марики Кузнецовой, в «Фоли Бержер», снималась в кино вместе с Сержем Лифарем, была в труппе Бориса Романова и в других театральных труппах знаменитых антрепренеров⁴⁸.

Навсегда связала свою жизнь с Хорватией Ольга Дмитриевна Орлова (в замужестве Наумова) (07. 05. 1903, Киев – 23. 12. 1993, у Т. В. Пушкиадия-Рыбкиной указано 25. 12. 1991 г., Риека). Учила хореографию у жены Нижинской Ромолы. Потом была Ялта, где она овладевала искусством балета в школе Маргариты Фроман. В 1920 г. в составе труппы Маргариты Фроман Ольга Орлова после концерта в Загребе дирекция театра подписала контракт со всей труппой. С 1921 г. выступала на сцене Загребского Народного театра. В сезоне 1932/33 г. выступала в составе труппы Осиекской оперы. В ее «послужном списке» выступления в составе Русской оперы в Париже, в труппе Анны Павловой и других. Она танцевала в «Жар-птице», «Лебедином озере», «Половецких плясках», «Шехерезаде» и других спектаклях. Уже после войны, в 1949–1954 гг. она работала шефом балета и хореографом в театре хорватской Риеки, куда была перемещена решением министерства. Этот перевод восприняла вначале как «отъезд в Сибирь», но потом балерина уже не жалела о своем приезде в этот город. Последний раз танцевала в «Охридской легенде» в 1949 г. В 1956 г. вышла на пенсию⁴⁹.

Завершая свой очерк о русской культуре в далекой Хорватии, хочу сказать, что сама богатейшая русская культура «кормила» русских мастеров искусства, которых хватало и на Францию, и на Хорватию, а в целом, почти на все страны русского рассеяния.

Да и сами эти страны не оставались внакладе: их культура получала свежий приток русских талантов, имена которых вошли в историю.

Примечания

¹ Благодарственное письмо русских беженцев. Копия. Арх. авт.

² Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi – slikarstvu, kiparstvu, arhitekturi, fotografiji i filmu, od 20-ih do 40-ih godina dvadesetog stoljeća // Oko književnosti Osamdeset godina Aleksandra Flakera. Zagreb, 2004. S. 302.

³ Байкалов-Латышев С. Как я стал художником // Кадетская переключка: журн. Нью-Йорк, 1979. № 23. URL: <http://xx13.ru> (дата обращения: 22. 01. 2015).

⁴ Новое время. 1924. 6 нояб. С. 3.

⁵ Arsenjev A. Ruska emigracija u Dubrovniku // Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata Rubovi, memorija. Zagreb, 2006. S. 50–51.

⁶ Цит. по: Маричевич С. Из истории русской Марины: творческий путь А. В. Ганзена (1876–1937) // Искусство и образование. 2007. № 7. С. 109.

- ⁷ Касацкая И. Ф. Художник-маринист Алексей Ганзен: потомки И. К. Айвазовского: жизнь, воспоминания, род. Брянск, 2005. С. 21.
- ⁸ Там же. С. 5.
- ⁹ Там же. С. 19.
- ¹⁰ Arsenjev A. Op. cit. S. 51.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 140; Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 300–301; Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici, i njihov doprinos umjetnosti karikature // Književna smotra. Zagreb, 2001. № 122 (4). S. 46.
- ¹⁴ Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46–47.
- ¹⁵ Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 300; Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 45.
- ¹⁶ Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46.
- ¹⁷ Medarić M. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 301; Medarić M. Ruski emigranti, likovni umjetnici. S. 46.
- ¹⁸ Драгинчић С., Зупан З. Историја југословенског стрипа I до 1941 године. URL: <http://rastko.org.yu> (дата обраћања: 21. 01. 2015).
- ¹⁹ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 164.
- ²⁰ Pismo Jurija Erastoviča Ozarovskog intendantu Hrvatskoga narodnog kazališta u Zagrebu // Književna smotra. Zagreb, 2001. № 119. S. 65; Арсењев А. Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX в.: зб. радова: в 2 т. Београд, 1994. Књ. 2. С. 285–286.
- ²¹ Григоров Н. К. Воспоминания: родословная, биографии, воспоминания, фотографии. Доп. и испр. ред. М.: б. и., 2010. 1 CD-ROM. Электрон. изд.
- ²² Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 133–134; Незабутые могилы: российское зарубежье: некрологи, 1917–2001 / сост. В. Н. Чуваков. М., 2006. Т. 6, кн. 2. С. 592–503.
- ²³ Ribkin-Puškadija T. Ruski dramski studio u Zagrebu. S. 119.
- ²⁴ Ibid. S. 121–122.
- ²⁵ Ibid. S. 123.
- ²⁶ Архив Джорданвилльской Духовной семинарии (США). Фонд В. К. Абданк Коссовский. Вырезка из газеты «Новое слово». Б. г.
- ²⁷ Димитријевић К. Краљица руске романсе: животна исповест госпође Олге Јанчевецке. Београд, 2003.
- ²⁸ Концертные программы с упоминанием имени Е. И. Мусатовой-Кульженко. Копии. Арх. авт.
- ²⁹ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 145–146.
- ³⁰ Ivanišević G. Sedamdeset godina Čirilo-Methodova kora // Čirilo-Methodov kor Crkveno pjevanje u Hrvatskoj Knjga izlaganja na simpoziji održanom u Zagrebu, 20 prosinca 2001, Povodom 70. Obljetnice osnutka Čirilo-Methodova kora. Zagreb, 2002. S. 76.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid. S. 70.
- ³³ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 95.
- ³⁴ Ivanišević G. Sedamdeset godina Čirilo-Methodova kora. S. 78.
- ³⁵ Ibid. S. 80.
- ³⁶ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 145–146.
- ³⁷ Ivanišević G. Sedamdeset godina Čirilo-Methodova kora. S. 83, 85, 127.
- ³⁸ Beloeмиграција у Југославији // Архив Републике Словеније. АС 1931. Републички секретариат за нотранје задеде. А. Š. 1053. S. 212.
- ³⁹ Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 152.
- ⁴⁰ Ibid. S. 152–153.
- ⁴¹ Ibid. S. 150.
- ⁴² Ibid. S. 166.
- ⁴³ Новое время. 1921. 14 авг., № 92. С. 4.
- ⁴⁴ Comoedia. 1924. 20 окт., № 8. С. 15.
- ⁴⁵ Ibid. 1926. 29 марта, № 30. С. 27.
- ⁴⁶ Солодовников А. Прима-балерина Маргарита Фроман // Библиотека-фонд Русское Зарубежье. Научный архив. Альбом № 1. «Некрополь» А. Калугина. С. 104. Н. Р. С. 30. 03. 1971; Podkovac Z. Iz povijesti zagrebačkog baleta // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 142–158.
- ⁴⁷ Bagarić M. Elemente modernoga ruskog slikarstva u scenografijama Pavela Fromana // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 129.
- ⁴⁸ Podkovac Z. Iz povijesti zagrebačkog baleta. S. 161–162; Kononović O. Uspomene o baletu Zagrebačkog kazališta // Ruski emigranti u Hrvatskoj. S. 169–171; Васильев А., Триполитова К., Маленькая балерина. М., 2010. С. 115.
- ⁴⁹ Арсењев А. Биографски именик руских емиграната. С. 287; Podkovac Z. Iz povijesti zagrebačkog baleta. S. 159, 161; Puškadija-Ribkin T. Emigranti iz Rusije. S. 155.